

Веневитинов Д. В. Ответ г. Полевому // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 276-282.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-276-.htm>

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Ответ г. Полевому

Четыре месяца скрылись уже в вечности с тех пор, как я сообщил "Сыну отечества" (в 8 кн.) несколько замечаний на разбор "Евгения Онегина", помещенный в "Московском телеграфе". С того времени многие - во многих журналах - восставали против мнений и ошибок г. Полевого, но все критики, без исключения, оставались без ответа: казалось, что г. Полевой смотрел на все замечания холодным взором совершенного равнодушия; последствие доказало, что равнодушие его было не совсем искренне и что он дорожил временем для того только, чтоб собраться с силами¹.

Если бы г. Полевой писал антикритики с тем намерением, чтобы занимать своих читателей литературными прениями, всегда полезными, когда они не выходят из сферы литературы, то при появлении всякой рецензии он, конечно бы, заметил мнения, с которыми не согласен, изложил бы свои собственные и предоставил своим читателям судить о победе. Но г. Полевой чуждается литературных споров, нигде не показывает собственного образа мыслей и, как уполномоченный судия в словесности, нигде не терпит суждений других. Для сей цели выбрал он средство совсем новое, но очень простое: ему стоит только вооружиться терпением. Подождав несколько месяцев, он уверен, что читатели почти совсем забыли рецензию, писанную против него, привязывается к нескольким выражениям, вырванным из статьи, рассыпает полную горсть знаков вопрошения и... торжествует. Вдумка счастливая, сознаемся; но заметим, не во зло ему, что антикритика в таком случае не ответ литератора, а голос досады.

Руководствуемый другою целию, я буду действовать другими способами и постараюсь объяснить себе, как можно лучше, ответ г. Полевого. Он сам сознается, что не понял статьи моей и *не мог добиться, чего я точно хочу*. Я смею уверить г. Полевого, что понял его ответ и добился, что он хочет оправдать свои ошибки; но, к несчастью, это желание осталось безуспешным. - В заключении моей рецензии (см. N 8 "С<ына> о<течества>") я сказал о разборе г. Полевого, *что желал бы видеть в нем критику более основанную на правилах положительных*. Странно, что теперь г. Полевой не знает, чего я хотел. Если б он мне доказал, что разбор "Онегина" был точно основан на правилах верных, представлял развитие положительной литературной системы, тогда бы спор наш прекратился или я бы заметил сочинителю разбора, что не во всем согласен с его системою, но г. Полевой не думает о защите собственных мнений и обращает все свое старание на то, чтобы представить мои мысли в смешном виде. Посмотрим, удачно ли он исполняет свое намерение.

Я рад бы сказать, как г. Полевой: *оставим мелочные привязки*; но это невозможно, ибо вся статья его наполнена, одними *привязками*, и в ней нет ни одной мысли, которая бы могла послужить предметом разбора. Впрочем, у всякого свой вкус: один дорожит своими мыслями, другой своими словами и шутками.

Итак, чтобы не оскорбить авторского самолюбия молчанием, пробежим по порядку все остроумные шутки и важнейшие замечания г. издателя "Телеграфа".

Я говорил, что *Пушкин подарил нашу словесность прелестными произведениями*. Г. Полевой восстает против сих выражений и кончает насмешкою и описанием вшествия царя Михаила Федоровича в Москву. Соглашаюсь, что его насмешка очень забавна, ибо она очень неудачна, но замечание его почитаю несправедливым и даже натяжкою. *Словесность* тогда только принимается в смысле общем и представляет понятие целое, нераздельное, когда мы под сим выражением понимаем всю историю просвещения какого-либо народа, всю сферу его умственной деятельности; но в смысле обыкновенном это слово выражает сумму произведений, определяющих одну только степень народной образованности; сию сумму можно умножать, и она всегда умножается; следственно, словесность можно *обогащать* и *дарить* новыми произведениями.

Благодарю г-на Полевого за объяснение *равноположных* понятий, но признаюсь, что оно для меня очень неудовлетворительно: он не отгадал моей мысли. Когда я говорил, что *Бейрон принадлежит духом не одной Англии, а нашему времени*, я хотел сказать (и, кажется, выразился ясно), что Бейрон принадлежит характеру не одного народа, но самого века, т. е. характеру просвещения в нашем веке, - тут о *целой Европе* ни слова. Далее г. Полевой уверяет, что "слово *целый* может относиться к слову *век* тогда*", если мы примем его в смысле столетия". Но я, к несчастью, недоверчив, и мне кажется, что слово *век*, означая